

◆ 4 стр.

◆ В КОНЦЕРТНЫХ ЗАЛАХ

СОПРИЧАСТНОСТЬ С ВЫСОКИМ ИСКУССТВОМ

На премьеру каждого нового сочинения Гии Канчели всегда спешить в ожидании чего-то значительного, серьезного, захватывающе интересного.

Самобытный, на редкость волевой и целеустремленный художник, твердо следующий по избранному пути, он долго и тщательно вынашивает замысел своих сочинений, безустали шлифует форму, композицию, оркестровку, со скрупулезностью ювелира отделяет буквально каждый такт, каждую ноту. Мало у кого столь необычайно велик удельный вес любой звуковой единицы, столь высока цена «звучащей материи». Музыка Канчели, можно сказать, не оставляет равнодушным никого, и неудивительно, что он один из самых широко дискутируемых современных композиторов во всем Советском Союзе, да и за его пределами тоже.

Интерес к новой Седьмой симфонии Г. Канчели подогревался тем обстоятельством, что композитор многозначительно озаглавил ее «Эпилогом» (из предшествующих шести симфоний лишь Вторая имела подзаголовок — «Песнопение») и предпослал

ей эпиграф (начальные строки стихотворения Г. Табидзе «Это было давно»), что обычно дает ключ к разгадке художественного содержания произведения.

И вот симфония прозвучала, как обычно, вызвав живой слушательский отклик, подлинную творческую сопричастность зала (счастливый удел лишь по-настоящему талантливых, художественно ярких сочинений) и породив широкий обмен мнениями о носителе внутренних импульсов музыки, ее формы, стиля, концепции.

Если коротко суммировать впечатление от Седьмой симфонии Канчели, то можно с уверенностью сказать, что наша музыка обогатилась новым значительным сочинением, стоящим в ряду широко известных симфоний талантливого композитора. Она наделена качествами, отличающими лучшие сочинения Г. Канчели: глубиной, я бы сказал, выстраданностью содержания, необычайно тон-

ким чувством оркестрового тембра, буквально магнетической силой «музыкального тока», заставляющего слушателя, затеив дыхание, следить за разворачивающейся перед ним звуковой панорамой.

Родство состоит и в излюбленном композитором, им же созданном принципиально новом типе симфонической драматургии, основанной на противопоставлении двух полярных образных сфер — взрывчато-трагедийной и самоуглубленно-созерцательной музыки (именно в такой последовательности, в отличие от предыдущих симфоний, дано их чередование), с мощной динамической кульминацией и последующим постепенным затуханием звучности, вплоть до ее полного угасания.

Отличие же от предшествующих симфоний состоит, на наш взгляд, не только в изменении последовательности указанных образно-звуковых сфер (что здесь, по-видимому, имеет принципиальное значение), но и в необычайной даже для Канчели остроте и концентрированности трагического чувства. Лично

я воспринимаю эту музыку как инструментальный рекем, порожденный болью горестных утрат, и в то же время проникновенную «осанну» в память безвременно ушедших, своего рода симфоническое in memoriam.

И тут, думается, впору вспомнить о предпосланном симфонии эпиграфе — начальной строке одного из последних стихотворений (1957 г.) Галактиона Табидзе — «Это было давно». Выбирая для эпиграфа глубоко трагическое по содержанию и именно «мемориального» жанра стихотворение, композитор как бы приоткрывает завесу над своим художественным замыслом, сокровенным смыслом этой волнующей, пронизанной болью музыки.

Впрочем, симфония Г. Канчели, как и любое другое подлинное произведение музыкального искусства, не нуждается в дополнительных пояснениях и пространных толкованиях. Музыка говорит сама за себя.

Как известно, неизменно первым и лучшим интерпретатором всех симфоний Гии Канчели является Джансуг Ка-

хидзе, и мне вообще трудно представить себе эту музыку вне Кахидзе, его властного дирижерского жеста, казалось бы, гипнотизирующего и оркестр, и слушателей. Дж. Кахидзе, всегда поражающий нас тонким ощущением живого нерва музыки Канчели, и в этот раз оказался на высоте стоявшей перед ним сложной художественной задачи. Государственный симфонический оркестр Грузии под его руководством играл с большим настроением и технически безупречно.

А если ко всему вышесказанному добавить, что в первом отделении вечера заслуженная артистка Грузинской ССР Нана Яшвили с великолепным ощущением стиля и монументальной формы произведения сыграла скрипичный концерт Брамса, то станет ясным, с каким ощущением удовлетворенного эстетического чувства и сознанием сопричастности с высоким искусством уходили с концерта многочисленные слушатели.

Гулбат ТОРАДЗЕ.